

ЭТО МОЯ ЖИЗНЬ!

Почетный член Союза писателей Северной Америки, публицист, прозаик Марк Верховский — один из старейших и заслуженных членов СПСА.

Геннадий Норд

— Вы родились перед самой войной?

— Да. Я родился в 1940 году в городе Симферополе.

— Там во время войны шли бои...

— С началом Великой Отечественной Войны наша семья эвакуировалась в город Баку.

— Почему в Баку?

— Фактически, это было возвращение в город, из которого маминые родители уехали в 1933 году.

— Баку был достаточно благополучным городом. Зачем вашим родителям его надо было менять на Симферополь?

— Принципу этого я узнал, уже проживая в Америке от моего дяди, маминого брата. Поменять внезапно благополучный Баку на незнакомый город вынудило стечения обстоятельств.

Мама Гнесса в Баку окончила еврейскую школу и музыкальное училище по классу вокала. Дядя Леонид — Бакинское художественное училище и затем поступил в Ленинградскую Художественную Академию. Адед возглавлял мебельную ателье и был большим авторитетом среди еврейской общины, и НКВД этим хотело воспользоваться. Дед Моисея вызвали в НКВД, и предложили «почётную» должность — стать осведомителем в еврейской среде.

Дед категорически отказался от такой роли. Но он понимал, что особисты этого ему не простят. Не дожидаясь возмездия, дед Моисей, бросил квартиру и буквально все нажитое и со всей семьей тайно, не оповестив никого из родственников, скрылся ночью из Баку.

— А почему именно Симферополь?

— Потому, что в Симферополе у Моисея жили друзья детства. Именно в Симферополе встретились мама Гнесса и пapa Израиль, основав свою семью. Отец ушел на фронт. А вся семья приближении фашистов эвакуировалась.

А в 1942 году пришла повестка о гибели отца при защите города Керчи.

Будучи ужे взрослым я побывал в Керчи в поисках захоронения отца. Но, увы, кроме «Вечного огня Неизвестному солдату» на горе Митридат, ничего не нашел.

— А когда вернулись в Баку?

— В 1944 году вся семья после эвакуации вернулась в Баку и начала жизнь с нуля.

Баку был многонациональным и толерантным городом, в нем отсутствовал антисемитизм, и потому сюда устремились многие евреи. К тому же, была очень слабая социалистическая пропаганда, и потому идеология не очень докучала учебе как в школе, так и в высших учебных заведениях.

В пятидесятых годах беспрепятственно прощетал джаз и стиляжничество.

Отец и мама

С женой

На вечере памяти Кара Караваева

Пионеры позволяли себе игнорировать ношение галстуков, а никогда не имел школьной формы. Не было ни пионерских разборов, ни комсомольских соревнований.

К руководству Сталина относились лишь яично, наверно еще и потому, что в нашей среде не было людей, ущемленных службами КГБ.

Во времена просмотров кино журналов в кинотеатрах при появлении на экране ввода, зрители бурно реагировали овациями.

— Достаточно свободная ситуация для СССР.

— Да. На это время пришлись годы моей учёбы. Окончив 8 классов, я поступил в техникум на электротехническое отделение. Затем три года служил в армии.

— Неужели служба в Советской армии прошла гладко для еврейского парня?

— Конечно, не совсем гладко. Но то, что произошло, это скорее из-за моей принципиальности, чем из-за национальности.

На втором году службы меня перевели в другую, заново сформированную часть. Со мной приехали несколько человек из старой части, в том числе бывший сержант Чечев. Неплохой парень, но любил приложитьсь к бутылке и часто забегал в самоволки.

После последней самоволки командование части решило отдать его под трибунал. Последствия трибунала — судимость и дисциплинарный батальон.

Но сначала требовалось произвести показательное комсомольское собрание, которое бы осудило Чечнева и исключило бы его из комсомола.

Накануне на комсомольском собрании полка меня избрали заместителем секретаря комитета комсомола.

И вот новое собрание. Все офицеры, члены бюро, предлагают исключить Чечнева из комсомола.

Я взял слово и сказал, что знаю Чечнева давно, что его увлечение алкоголем — это болезнь, с которой нам вместе с ним необходимо бороться. И предложил ограничиться строгим выговором. Я считал, что Чечев может исправиться, так как он осознал свою вину и хочет, чтобы ему дали срок на исправление.

Провели голосование. Все офицеры за исключение, а все солдаты — против. Это было бунт против командира, против партийной организации. И фактически бунт возглавил я.

— И начались гонения?

— Конечно. Нас оказалось больше на один голос. Чечев был спасён, но по недовольным лицам командиров я понял, что такое решение им не понравилось.

А через некоторое время меня впервые послали в наряд на кухню. До тех пор я был в привилегированном положении, командовал построением роты, вёл занятия по электротехнике.

Потом оказалось, что из-за меня был сорван своевременный обед всей части. А из этого следовали новые наряды вне очереди.

Окончание на с. 10

С артистами театра драмы в Баку

С журналисткой из Баку

Окончание. Начало на с. 9

А через какое-то время ко мне подошёл комбат, который всегда симпатизировал мне и сообщил, что даёт мне час на сбои. Меня отправили в другую часть.

Прощаясь с комбатом, я спросил:
— В чём же дело?

И он мне по-дружески ответил:

— Ты сделал промашку, из-за твоего предложения сорвались планы команда-рии части отдать под суд Чечнича. Поэтому полковник дал команду избавится от тебя, так как ты не выполнил установку командира. Такие солдаты ему не нужны. Солдат не должен размышлять, а обязан выполнять приказ. Ты же его не выполнил и все твои успехи по службе ему уже не были нужны.

Могу с уверенностью сказать, тех, кто не слушается руководителя, не любят в любой стране. И не только в армии. А что было после службы?

— А потом я поступил в институт нефти и химии.

Я все хочу добраться до творчества. Но думаю, что вам сложно приходилось сочетать учебу и работу.

— Верно, я сочетал учебу с работой в тресте «Железобетон».

Окончив институт, получил специальность инженера-электрика. И был назначен главным механиком треста, в подчинение которого входили заводские службы механиков и электриков. Железобетонные заводы были расположены по всей территории Азербайджана. Одновременно, приходилось координировать реконструкции и строительство новых заводов. Поэтому длительное время проводил в командировках. Запускал новые заводы в эксплуатацию. При этом, активно внедряя различные предложения по улучшению работы комплексов и механизмов. В результате подсчета экономического эффекта получил звание «Лучший рационализатор Минпромстроя СССР».

В этой должности я проработал двадцать лет.

А потом началась перестройка?

— Точно. Пришел Горбачев, и кончились созидаельная жизнь. Неистово борясь с советским злом, поборники демократии в Азербайджане потребовали прекратить использование русского языка в государственной переписке. Они ходили по учреждениям и, хотя не имели на то полномочий, конфисковали печатные машинки с русской орфографией.

Крики с бесконечного круглогодично го митинга перед Домом Правительства в защиту неприкосновенности Нагорного Карабаха от сепаратизма, давно уже перешли границы начальной задумки.

Теперь демократы требовали передачи им государственной власти со всеми вытекающими проблемами пребывания иноязычных в свободной стране.

Стало сложно жить в стране людям не титульной национальности?

— Я однажды прошёлся по Площадь Ленина, где митинговал «Народный Фронт». И своими глазами увидел плакаты с требованиями: «Проживание русских в Азербайджане — 5 лет, евреев — 3 года».

Я понял, что нашей семье предстоит новая эвакуация.

Вы не рассматривали это, как провокацию?

Возле Метрополитен опера

С главным режиссером Театра драмы

— Наверное, не стоило придавать значения этой провокации, тем более, что интелигенция выступила с «Обращением к отезжающим из Израиль евреям». В нем лучшая часть азербайджанского народа пыталась остановить своих братьев евреев. Если бы к этому стремлению присоединилась государственная гарантия безопасности, то я уверен, многие не уехали и остались бы единой нацией «бакинцы» и до сих пор.

Думаю, массовый отъезд евреев из Баку был еще выгоден и чиновникам.

— Да, они не хотели терять те дивиденды, которые получали от иммиграции евреев. Слишком соблазнительный был куш, чтобы задумываться о будущем страны.

Взимание пошлин за всякий документ, присвоение богатых ухоженных квартир, передвижение на соблазнительные служебные посты и прочие взятки «за услуги» — были той разменной монетой, которая открывала евреям путь на свою новую Родину.

Когда я был в Баку, мне много рассказывали о тех событиях...

— Алогей всплеска национализма случился 13 января 1990 года. В этот день, умело направляемая, раскалённая лава гнева азербайджанцев обрушилась местью на бакинских армян. Страшные события — погром. Ослеплённые взрывами за потерянные родные места в Армении, азербайджанские беженцы, превратились в неуправляемых варвров средневековья.

А потом в Баку ввели войска. Были жертвы, и было страшно.

У меня много знакомых, которые в то время бежали из Азербайджана.

— Да, спасение утоляющих дело рук самих уголовщиков. Мы поняли, что нам никто не поможет. Собрались в синагоге. Решение было единогласным — ехать в Израиль. И ехать срочно до окончания событий.

Евреи разделились на две группы: те, у кого уже были вызовы в Израиль и те, у кого вызовов еще не было.

Первые счастливчики, в числе которых был и я, бросились в ОВИР. Шла запись на интервью с инспектором органов. Я был спокоен, ибо имел срок действия визы до августа, тогда как запись происходила в январе. Но я недооценил козни овдовцев. Они остались верны своим принципам и назначили мне интервью после истечения срока действия документа.

— И что вы сделали, ведь решалась участь вашей семьи?

— Я снова метнулся в синагогу. Но как раз в это время туда заявились представители «Народного Фронта». «Старший» от имени «Фронта» запретил выезд евреев, мотивируя это тем, что отъезд евреев подрывает престиж республики.

— Но какой-то выход вы все-таки нашли?

— Какое-то время до этих событий я был в командировке в Биробиджане. И мне пришла идея временно, пока не улягутся события в Баку, поработать в Еврейской автономной области.

— Я в начале девяностых выступал в Хабаровске и в Биробиджане. Там было спокойно.

— В область поступало много писем. Позже мне их показали в исполнение. Письма были от евреев, желающих приехать в область со всех концов Союза, особенно с Украины, где разыгралась Чернобыльская трагедия.

К сожалению, область не в состоянии была принять всех из-за отсутствия жилого фонда. Переселенцев обустраивала организация, вызывающая нужного специалиста и даже не еврея.

Власти области захотели пополнить численность еврейского населения. Именно в этих целях было принято решение построить завод крупнопанельного домостроения. Строительство завода находилось в завершающей стадии. Но вот беда — совершенно отсутствовали специалисты по эксплуатации этого высокотехнического, автоматизированного предприятия. А потому мой приезд, как специалиста, имеющего опыт строительства и эксплуатации таких заводов, привнес весьма кстати.

Строительный трест «Биробиджанстрой» предложил мне заключить контракт на три года. Я был принят на должность главного инженера строящегося завода крупнопанельного домостроения.

Я выехал на новое местожительство и, приняв недостроенный завод, чтобы вывести его на проектную мощность.

— А семья?

— Семья приехала чуть позже. С моей супругой тоже заключили контракт и приняли на работу по ее специальности — инженером-экономистом. Сын пошел в школу.

— Понравилось вам в Биробиджане?

— Уникальное и очень красивое место. Две реки — Бира и Биджан, а между ними город. Хороший климат, замечательные люди.

Первое, что поразило меня в Биробиджане — это таблички названий учреждений и улиц на двух языках: еврейском и русском.

Главная улица, проходящая вдоль всего города, носит имя Шолом-Алейхема. Город абсолютно чистый, как новый. Большие светлые магазины, много продуктов и промтоваров. В то время, когда вся страна заявляла в талонной системе и нехватке продуктов, здесь было относительное благополучие.

После грозы, крови и страха Баку Биробиджан был курортом. В филармонии давали спектакли и концерты — приезжие театры, ансамбли и певцы. Мы присутствовали на 2-м фестивале Еврейской песни и танца, куда съехались еврейские исполнители со всего Союза.

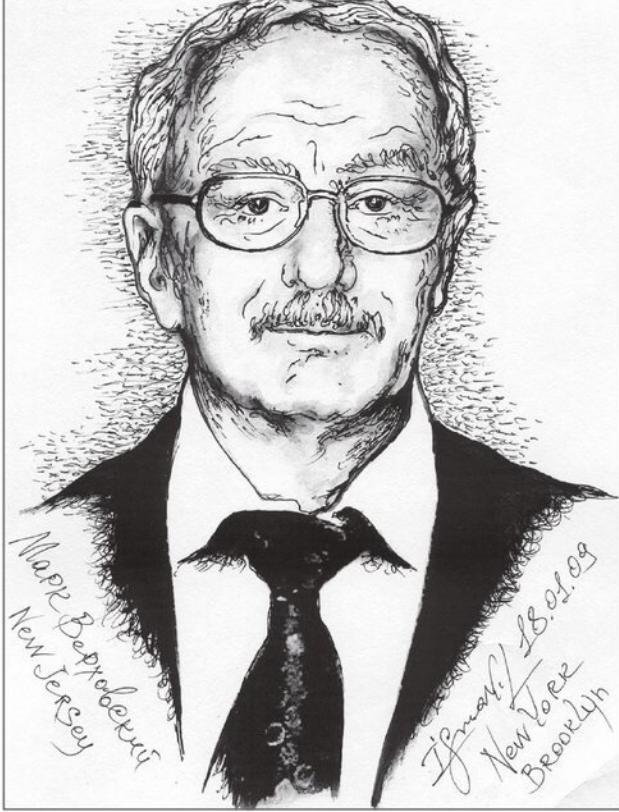
— Много было работы?

— Началась моя служебная деятельность — командировок по всему Приморью. Я объезжал заводы, на которых были размещены заказы для нашего строящегося завода. Познакомился с легендарными городами, увидел Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Спасское, Волочаевск, Райчихинск. Приходилось самостоятельно решать проблемы замены металла, узлов, комплектующе-

Марк Верховский, Ноберт Евдаев, Рика и Геннадий Кацовых

Дружеский шарж

Солист

го оборудования. Съездил на Сахалин для ознакомления с опытом работы профильного завода в городе Южно-Сахалинск.

Приходилось серьезно решать проблему комплектации завода дипломированными кадрами операторов автоматики, кранов, компрессоров, котлов. В Биробиджане таких специалистов не готовили. Искал в Хабаровске.

— Уже задумывались об отъезде в США?

— Биробиджан является побратимом американского города Бивертон в штате Орегон. Сюда на еврейские праздники с подарками для детей приезжали американские раввины, проводили религиозные службы.

Надо сказать, что в то время в Биробиджане не было синагог. После долгих расспросов и поисков мне показали какой-то старый бревенчатый дом с большим замком на двери. Предполагалось, что это и была синагога.

Но дыхание Америки чувствовалось. И решение настало.

— Завод сдали в эксплуатацию?

— Да. Завод был принят в эксплуатацию, и первые железобетонные изделия пошли на стройки автономной области. Вот тогда я наряду с интенсивной работой занялся вполне возможностью выезда семьи в США.

Мы побывали в Посольстве США в Москве и получили положительное решение.

В Биробиджане я был первым, кто выехал в Америку. Видимо, поэтому к осуществлению моего замысла все отнеслись с уважением. Особенно хорошо проявилась милиция: в несколько дней нам оформили паспорта, а мои заводчане с радостью проводили нас до трапа самолета.

Наш выезд совпал с «августовским путчем» и мы уже не надеялись, что улетим. Но затея с переворотом быстро закончилась и 31 августа 1991 года мы вылетели в Нью-Йорк.

— Как вас встретила Америка?

— Конечно, в первые годы пребывания в Америке адаптация проходила не без трудностей: отсутствие знания языка, отсутствие работы, незнание правил и законов страны.

Но со временем все пришло в норму. За время своей работы даже получил несколько благодарностей за отличную работу от различных администраторов предприятий, где трудился.

Первый свой отпуск провел с семьей в Париже. А потом знакомились с другими странами Европы и Америки. Получил огромное удовольствие от посещений театра «Метрополитен» и других культурных мероприятий.

Начал писать рецензии и посыпал в Баку, где их печатали в центральной газете столицы.

— Так и началось ваше творчество?

— Да. Сначала рецензии и статьи о спектаклях и событиях, потом написал рассказ о вызове деда Моисея в НКВД. Именно с него я начал писать.

Потом я переключился на других родственников. Затем описывал в рассказах события из моей жизни. Пишу лирические новеллы, исторические очерки, заметки о моем пребывании в странах Европы и Америки, беру интервью у интересных людей Баку и Нью-Йорка.

Мою прозу стали публиковать в СМИ Нью-Йорка, Нью-Джерси, Миннесоты, Филадельфии, Чикаго, Праги, Тбилиси и в родном Баку.

— У вас ведь и книги изданы?

— В 2011 году в Баку вышли мои книги «Бегом из прошлого в будущее» в переводе на азербайджанский язык и «Публицистика от Марка Верховского», презентация которой в Баку состоялась 17 марта 2012 года.

В 2013 году в издательстве «Ширваншах» был опубликован сборник рассказов и очерков «Мираж Большого Каньона».

В 2014 году издательство «Ширваншах» опубликовало сборник очерков «Президент открывает Америку».

— Если бы вам предложили начать все сначала, вы бы согласились?

— Думаю, что я прохил большую и интересную жизнь. И, несмотря на беды, считаю, что радостей было больше. И ничего менять я бы не согласился, ибо это моя жизнь — честная и счастливая!